

УДК 81'42
ББК 81.411.2-51

К ВОПРОСУ О МАНИПУЛЯТИВНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ: АДРЕСАТ И ЕГО РЕАКЦИИ

РАДЗИЕВСКАЯ Т. В.

Институт языковедения им. А. А. Потебни НАНУ

В статье рассматривается вопрос о возможности использования текста дневника для описания и анализа речевого поведения адресата воздействия манипулятивного типа. Для этого анализируется корпус дневниковых записей российского общественного и государственного деятеля князя В. М. Голицына, относящийся к историческому периоду 1917–1918 гг., что позволяет реконструировать отдельные черты медиа-ситуации данного периода и ее эволюционные особенности.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, реакция адресата, текст дневника, В. М. Голицын, медиа-ситуация.

The article explores the possibility of using a diary for description and analysis of speech behaviour of the manipulative impact recipient. We have analyzed the corpus of diaries written by Prince V. M. Golitsyn, Russian public figure and politician, related to the historical period of 1917–1918, which allows to reconstruct some peculiarities of the media-situation in this period and its evolutionary features.

Keywords: manipulative impact, reaction of the recipient, diary, V. M. Golitsyn, media-situation.

Постепенная “гуманизация лингвистики”, если следовать определению Г. Г. Почепцова, отражающему сущностную характеристику того направления развития лингвистики, которое стало актуальным с конца 70-х гг. XX ст. и позже стало ассоциироваться с антропологической парадигмой языкознания [7, с. 12], значительно расширила его предметное поле и дала толчок для развития лингвистической прагматики. Подчеркивая, что предметом прагмалингвистики выступают прагматические признаки языковых единиц любого уровня, Г. Г. Почепцов обращал внимание на их содержательный характер [там же, с. 17]. Возраставший интерес к природе речевых актов, прямых и косвенных, присущим им способам кодирования и передачи информации способствовал дальнейшему изучению сложных механизмов речевого взаимодействия, среди которых следует назвать и механизмы манипулятивного воздействия.

В современных лингвистических исследованиях несмотря на разнообразие существующих взглядов на феномен манипулятивного воздействия утвердилось мнение о его многоаспектном характере, который предполагает проведение комплексного анализа в когнитивном и коммуникативно-прагматическом планах с учетом социальных, гендерных, психологических, лингвокультурных параметров (Г. Г. Почепцов, Р. В. Блакар, А. Н. Баранов, Р. Водак и др.). Наиболее популярным объектом анализа тут становятся речевые, а также паравербальные средства воздействия, приемы упаковки информации в соответствии с интенциями адресата, макро- и микростратегии при порождении текста. В последнем случае актуализируется изучение вопроса о поэтапном (поуровневом) применении стратегий, которые “включаются” на различных фазах текстовой коммуникации – начальной, промежуточной, конечной. Манипулятивное влияние, таким образом, рассматривается в настоящее время под углом зрения деятельности отправителя информации, субъекта действия, того, кто представляет активную сторону в интеракции этого типа.

Между тем не менее интересным и заслуживающим внимания является “феномен” той стороны, которая воспринимает такую информацию и выступает адресатом манипулятивного воздействия. Его реагирование на полученную информацию воплощается в тех или иных действиях, эмоциях, настроениях, состояниях. Важно отметить, что в коммуникативной ситуации манипулятивного воздействия семиотический статус действия и адресата отличен от канонической ситуации общения (в терминологии Е. В. Падучевой) и сама ситуация моделируется по аналогии с ситуацией физического воздействия и, соответственно, модельный адресат приобретает статус и черты объекта физического действия. В силу этого его способность к диалогическому взаимодействию носит редуцированный характер, он моделируется как пассивная фигура, лишь воспринимающая информацию.

Вместе с тем типичное для манипулятивного воздействия сокрытие своей основной интенции коррелирует с тем обстоятельством, что эта разновидность действия, маскируя свою интенцию, часто воплощается в серии вполне традиционных для определенной культуры, привычных для носителя языка речевых актах и действиях. Эти особенности обуславливают сложность наблюдения и анализа реального речевого поведения адресата в этой ситуации, которые могли бы показать, каким образом, в каких формах и направлениях воплощается реакция адресата, соответствует ли она тому, что программирует отправитель информации. Несомненно, определенную роль в решении этой задачи может сыграть психолингвистический эксперимент, корректно проведенный опрос, однако полученные в этом случае данные выступают лишь косвенными свидетельствами того реального реагирования, которое имело место в случае манипулятивного воздействия и которое в эксперименте получает отображение уже пост-фактум. Поэтому здесь актуален поиск источников, которые могут фиксировать реакции адресата в режиме реального времени.

Одним из таких источников может быть текст дневниковых записей, которые с определенной периодичностью (в идеальном случае – “подневно”) документируют события дня, мысли, переживания, впечатления определенного лица. Учитывая, что автоадресованный характер дневникового текста, отсутствие внешнего адресата предполагает вполне “искреннее” речевое поведение автора (это записи, прежде всего, “для себя”), дневник может рассматриваться как надежный источник сведений о реакциях носителя языка на те или иные импульсы, исходящие из внешней среды. Реакции, фиксируемые в дневнике, могут касаться и результатов манипулятивного воздействия. Поэтому целью данной работы будет анализ речевого поведения автора дневника в ситуации воздействия манипулятивного типа, относящейся к конкретному историческому периоду.

Задачи:

– реконструирования отдельных характеристик медиа-пространства, а также языкового сознания автора;

– рассмотреть текст дневниковых записей российского государственного и общественного деятеля князя Владимира Михайловича Голицына (1847–1932) [2].

Пик служебной карьеры В. М. Голицына относится к 80–90-м годам XIX ст., когда он был назначен на должность вице-губернатора, а затем губернатора Москвы и Московской губернии и избирался московским городским головой (до 1905 г.), позже был попечителем картинной галереи П. М. Третьякова, председателем Попечительского совета городского народного университета им. Шанявского, избирался председателем Международного конгресса антропологов, был в комитете по управлению Политехническим музеем. Кроме того, в советский период работал в качестве переводчика, в частности, переводил произведения Мольера [1, с. 8–15]. Свой дневник В. М. Голицын вел в течение 67 лет, делая записи ежедневно, так что в результате они составили тридцать три тома рукописей [3, с. 5], сохранившихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Из них опубликован фрагмент, относящийся к одному из самых драматических периодов в истории страны – с лета 1917 г. по лето 1918 г. [2].

Поскольку дневник велся каждый день, без пропусков, в записях своеобразно отражены особенности восприятия информации о социально-политических событиях в стране, в частности, затрагивающих и членов семьи автора. Оценивать и делать выводы о характере восприятия происходящего позволяет анализ всего корпуса текстов. Он показывает, что у автора сложился определенный “формат” записи, которого он привык придерживаться. Этот формат создается сочетанием четырех следующих тем и их соотношением по параметру текстового объема: 1) погода; 2) произошедшие события дня, участником или наблюдателем которых был автор; 3) социально-политические события в стране, информацию о которых он получает от родственников, знакомых, а также из газет; 4) события ментальной сферы, оформленные в виде размышлений абстрактного характера, которые обобщают личностный опыт автора. При этом субтексты, отражающие содержание этих четырех тем позиционно почти не варьируются, т. е., как правило, формируют текст отдельной записи именно том порядке, какой обозначен выше. Напр.: *Очень ветрено было. Усиленно переводил, и должен признать, что это хороший и надежный способ усвоить себе философские доктрины, мало доступные при простом чтении. В Кредитном были мелкие дела. Имел долгую беседу с сотоварищами, особенно с Жердиным, с которым я очень сдружился; у меня были Петров и Вильямс [...]. Наши нынешние владыки предлагают мир, союзники порывают с нами, а немец ломается, конечно, играя в этом комедию, ибо весь наш развал – дело его рук. Как много людей-позеров. Это не есть синоним щеголянья собой, хвастливости, а нечто более пассивное, именно поза. Делается это ими как-то само собой, без каких-либо явных побуждений и без своекорыстных или самолюбивых целей [...]* (17.11.1917). Отметим также, что текстовое воплощение первых трех тем, как правило, вдвое или втрое меньше текстового фрагмента, представляющего размышления (четвертую тему).

Естественно, явление манипулятивного воздействия следует связывать с текстовым воплощением третьей темы, которое “формируется” на основе информации, полученной благодаря чтению газет, т. е. медиа-информации, рассказам знакомых, родственников, сослуживцев. В ее отражении в записях можно выделить два периода – первый период с лета 1917 г. до начала 1918 г. (приблизительно с середины декабря 1917 по середину января 1918 г.) и второй период – с середины января 1918 г. до лета 1918 г. Первый период характеризуется активным реагированием на те или иные сообщения о социально-политических событиях, которые находят отражение в записи именно в виде реакции на них. Часто это эмоциональная реакция или реакция “переживания”, когда автор пишет о том, что его мысли, внимание сосредоточены на некотором событии, которое произошло или должно произойти: *Военные известия нехороши. Что за разоблачения обнаруживаются при происходящем суде над Сухомлиновым!* (17.08.1917). *До какого падения нас довели!* (27.08.1917). *А что если на самом деле мир будет заключен? Я не сомневаюсь, что каждый из нас втайне, в глубине души будет рад. Но это будет вечным позором нашим в глазах всего человечества и, с другой стороны, предание себя навеки в лапы немцам* (18.11.1917). *А Петроград фактически занят немцами: что за позор! Больше говорить об этом не буду* (20.12.1917). Интерес к происходящему и эмоциональная вовлеченность автора проявляется в прогностических и интеррогативных реакциях: *Образовался какой-то “предпарламент” в случайном и произвольном составе, и неизвестно, для какой цели. Опять польются речи, которые так всем надоели* (23.09.1917). *Долго ли это продлится? Одна надежда – благоприятный исход выборов в Учредительное собрание, начавшихся вчера. Но подчинятся ли народному голосу нынешние наши властители?* (13.11.1917).

Не менее типичным для записей первого периода является реагирование в виде попыток осмысления происходящего в социально-политической сфере. Авторские интерпретации включают поиск истоков и причин происходящих событий, оценочные и критико-аналитические

суждения: *А, с другой стороны, есть сведения о готовящейся контрреволюции, вовремя раскрытой. Вот это теперь, по-моему, – преступление (21.08.1917). Развал наш такой всеобщий, что никакой философии не хватит для спокойного реагирования на него. Россия уже перестала быть государством, а русские – народом. Как не грешат нынешние революционные деятели, а виновник сего – Николай и его предки (7.10.1917). Русские всегда страдали от отсутствия классового или сословного общения, общественной солидарности при общности задач. Плоды этого мы видим в той розни, которая так резко обнаружилась между офицерами и солдатами, землевладельцами и крестьянами и т. д. (14.11.1917). Очевидную условность разграничения этих типов реакций, пронизанных яркой эмоциональностью, хорошо демонстрирует следующая запись: Плоха надежда на Учредительное собрание: либо его разгонят, либо оно само окажется несостоятельным, партийным. Раз самочинные наши правители подняли гонения на своих партийных противников, в том числе и кадетов, то не значит ли это, что они слабеют? (1.12.1917).*

В отдельных случаях в дневнике получает отражение максимальная эмоциональная вовлеченность автора, блокирующая способность писать о происходящем вокруг, о своих оценках. Тогда в записях В. М. Голицына появляются фразы: *Военные известия какие-то неопределенные, а о внутренних не хочется ни говорить, ни читать (29.07.17). Лучше об этом не писать, даже не думать (25.10.1917). О вестях лучше не говорить, до того они печальны. Одна надежда на союзников и на отвлечение ими немцев. Но как должны они на нас смотреть, с каким негодованием и каким презрением (25.10.17)! А об общем положении лучше не говорить (7.11.1917). О совершающемся не хочется говорить (16.11.1917). Нечего распространяться о том, что совершается. Мы пали до того, что русских уже нельзя считать в числе народов (24.11.1917). О положении не хочется ни думать, ни говорить (17.12.1917).* Получаемые сведения порождают глубокие переживания, часто не поддающиеся вербализации и остающиеся в сфере внутренних состояний и внутренней речи индивида.

Если до зимы 1917–1918 гг. В. М. Голицын, как можно судить по записям, имеет дополнительную возможность черпать сведения о происходящем в стране и на фронте из иностранных, преимущественно французских, газет (*... читал целую кипу французских газет – (10.08.1917) а еще очень обидно читать французские газеты и их отзывы о нас – (26.08.1917) до сумерек читал французские газеты – (27.08.1917) и т. д.*), то постепенно, с осени 1917 г., особенно в ноябре, декабре, и начале 1918 г. эта возможность утрачивается. Уже в августе 1917 г. он выражает озабоченность по поводу противоречивости информации, констатирует изменения в медиа-сфере: *Положение очень нехорошее, и совершенно теряешься при мысли о будущем. К сожалению, газетные вести стали очень односторонние, а частные и подавно (20.08.1917).* Он жалуется на отсутствие надежных источников информации: постепенно в медиа-сфере дезинформация начинает преобладать над правдивыми сведениями и вытеснять их. Эта тенденция заметна уже по записям августа 1917 г. (*... в ожидании вестей я почти не мог заниматься... – 30.08.1917*), ее проявления становятся с течением осени все более заметными. Недостаток информации и эволюционирующая ситуация, начиная с осени 1917 г., не позволяют автору с определенностью формировать свое отношение к событиям и высказываться о них. В дневнике увеличивается число высказываний с лексическими элементами, представляющими модальность предположения, категорию определенности/неопределенности: *по-видимому (26.08), как кажется (24.08), будто бы (1.08), кажется (21.09), какой-то (23.09) и т. д.*

Дневник постоянно фиксирует недостаточность, неточность, противоречивость получаемых сведений, а в медиа-сфере увеличивается сегмент такого явления, как слухи. Ср.: *Поздно дошел до нас слух о больших смутах в Петрограде. Весьма возможно, хотя и неудачная, затея Корнилова, несомненно, будет иметь последствия (29.08.1917). По слухам, калужские события воздействовали отрезвляющим образом на население. Пойдут казаки и далее*

(24.10.1917). Доходят до нас все **противоречивые сведения**: то будто бы крайние победили в Петрограде и здесь, то, наоборот, что правительство одержало верх (25.10.17), ... долетали вести и **слухи**, больше **неверные** и **противоречивые** и преувеличенные (28.10.17). В крайнем напряжении были мы и терзались всякими **помыслами** и **неизвестностью**. К ночи устроилась охрана переулка, Саша и Петя приняли в ней участие. Мало известно нам настоящее положение в городе (28.10.17). Все **слухи** и **слухи**, то о неудачах на войне, то о мобилизации и выступлении казаков, то о какой-то южно-русской республике. "Наши" газеты не допущены к выпуску, и мы ничего знать не можем. Знаем хорошо только то, что стоим мы между ужасом совершившегося и полной неопределенностью будущего (5.11.1917). Разнесся **слух**, который еще полгода тому назад привел бы нас в ужас, о возможности близкого мира между воюющими народами. Дай Бог! (7.11.1917). Вчерашний **слух** о бегстве царька оказался ложным (3.12.1917). А тем временем **слух** идет, что немцы уже оккупировали Петроград и чуть не Кремль здесь (14.12.1917).

Насыщение слухами медиа-пространства, в котором существует В. М. Голицын и его семья, типично и для второго периода ведения записей: **Слухов** теперь не оберешься, и то подтверждают они, то опровергают. А между тем нет ничего такого, что обещало бы близкую перемену к лучшему (23.06.1918). Распространялись **недобрые слухи**, вообще нехорошо у нас выглядит всюду (6.07.1918). Снова стрельба, междуусобие и **слухи**, **слухи** без конца. Одни крайние восстали на других и убили немецкого посла, что, конечно, будет иметь большие последствия (7.07.1918). Кого ни встретишь, все слышат новые вести, **слухи**, догадки, а на деле никто ничего не знает, и все мы бродим в потемках (9.07.1918). **Слухов** не оберешься, и нет никакой возможности распознать правду от **выдумки** (26.07.1918). **Слухи**, вести, страхи так и летят со всех сторон. Что-то молвит, что развязка близка. Но какая? (7.08.1918). Отсутствие хороших газет делает то, что мы довольствуемся **слухами**, не проверенными и по большей части **неверными**, а то и **нелепыми** (8.08.1918).

Итак, в дневниковых записях, ведущихся ежедневно, обнаруживается фиксация черт качественно новой информационной ситуации в стране, когда постепенно утрачивается возможность получать достоверную информацию о жизненно важных событиях, преобразованиях, нововведениях, в результате чего возрастает удельный вес такой формы социальной коммуникации, как слухи. В соответствии с современными представлениями, слух – это один из жанров устной неофициальной коммуникации, который в настоящее время рассматривается в качестве удобного средства для целей рекламирования товаров и услуг, пропаганды, различных видов пиар-воздействия [8; 9, с. 487–497], характеризуется разнообразными функциями в современной социокультурной среде [6]. Одной из важных семантических характеристик слуха “цель изменить состояние общества и вызвать более тесное социальное и коммуникативное взаимодействие людей” [4, с. 129].

По мнению Г. Г. Почепцова (мл.), к числу релевантных характеристик слуха относятся: претензия на истинность передаваемой информации, передача эмоционально окрашенной информации, а также самотранслируемость, т. е. особый способ воспроизведения информации [9, с. 488, 490]. Добавим, что именно с самотранслируемостью тесно связана модель адресата, присущая этому речевому жанру (см. выше): адресат здесь является пассивным участником ситуации, в функции которого не входит критическое осмысление информации, напротив, он готов ее ретранслировать и тиражировать в готовом или слегка модифицированном виде.

Живучесть слухов объясняется их глубинной связью с коллективным бессознательным. Слухи существуют в плоскости массовой коллективной коммуникации, они анонимны, их содержание большей частью тем или иным образом соотносится с архетипическими структурами носителя языка. В этом сходство слухов с единицами фольклорной коммуникации, жанрами фольклора, которые имеют лишь устную форму самореализации, не характеризуются

индивидуальным авторством, существуют в коллективе и передаются от одного члена коллектива к другому. Как атрибут народной культуры слухи, небылицы, вербальный обман чаще всего имеют функцию защиты от злых сил, жестокой судьбы и т. п. [10]. При разнообразии функций у слухов в современной коммуникации их связь с коллективным языковым сознанием сохраняется. Так, по мнению Г. Е. Крейдлина и М. В. Самохина, распространение слухов – это процесс, “целью которого является формирование коллективного, хотя и необязательно в точности единого, мнения о сложившейся ситуации или каких-то ее аспектах, выявление общего отношения к ситуации и ее участникам” [4, с. 123].

Естественно, слухи неоднородны по своему содержанию и установкам и образуют целые классы и подклассы. Это слухи порочащие, прославляющие, защищающие, соболезнующие [9, с. 489]. Можно выделить и другие виды слухов. Однако важно подчеркнуть, что социальный контекст для распространения слухов создается информационными лакунами, с одной стороны, и информационными ожиданиями, – с другой, которые осознаются социальной группой, языковым сообществом, коллективом и / или отдельным индивидом. Эти ожидания, как правило, связаны с получением какой-то релевантной для адресата информацией, которая затрагивает глубинные стороны сознания и эмоций. Ситуация, ощущаемая и оцениваемая субъектом как информационная блокада, порождая слухи, создает психологический контекст нестабильности, неуверенности, страха, дезориентации, ощущения сниженной нормы жизни. В целом сфера актуализации слухов связана с широким спектром явлений социальной, психологической и информационно-вербальной природы.

Возвращаясь к жизненной ситуации периода 1917–1918 годов, отраженной в записях В. М. Голицына, отметим черты тенденции, которая определяет сущность информационной ситуации. Это отсутствие газет как надежных, в понимании автора, источников информации, и, в частности, вследствие этого постоянное ощущение информационной блокады: *Под девизом свободы печати не выходит ни одна газета, кроме крайних* (9.04.1918). *Отсутствие французских газет сделало то, что я не знаю, что происходит в Европе, я не в курсе ее жизни. наших же газет я не читаю* (24.05.1918). *Нельзя не удивляться тому, как наши правители ухитряются оставлять всех в полном неведении того, что творится в стране* (25.06.1918). *Очевидно, наши власти скрывают положение во Франции, где немцы потерпели крупное поражение* (9.08.1918). Слухи в этот период явно преобладают, оказываются важным компонентом информационной плоскости жизни, в которой адресат, будучи пассивным участником ситуации с единственной функцией ретрансляции готового содержания, обретает по сути статус объекта манипулятивного воздействия.

Осознание недостоверности циркулирующей информации в совокупности с реально происходящими событиями влечет изменение характера отображения социально-политических событий, и это соответствует началу второго периода записей. С января 1918 г. постепенно снижается градус эмоций, и сообщения, касающиеся социально-политических событий, становятся более сдержанными, лаконичными, они в большей степени касаются событий, непосредственно относящихся к семье автора – ситуации с арестованным родственником М. Лопухиным и семьей Александра Голицына, сына автора, оказавшейся в Сибири: *Неотступно думал я о Саше, а вместе с тем как боязно и как больно думать. Кое-что сделано здесь, и есть надежда, что их привезут сюда* (17.03.1918). Эмоциональные и критические реакции на какие бы то ни было внешние события уступают место оценкам отвлеченно-философского характера: *Видимая нами у себя борьба кланов, буржуазии и пролетариата, агрессивная со стороны второго и пассивная со стороны первой, свидетельствует о нашей некультурности, о несознаваемости нами общественной солидарности, о непонимании народных и государственных задач. Но все это сломалось исторически, это плоды рабства крепостного состояния, темноты, в которых так долго пребывали мы* (5.04.1918). *Есть намеки на то, что мы дошли*

до поворотной точки и последуют перемены. Трудно сказать, что для нас позорнее – власть пролетариата, какую мы имеем вот уже полгода, или призванное ею и неизбежное немецкое *игло* (10.05.1918). В целом эмоции и откровенная экспрессия, оценочность, присущая записям первого периода, уходят, их сменяют нейтральные языковые формы.

Таким образом, рассмотренные дневниковые записи по сути позволяют реконструировать картину эволюции механизмов восприятия и переработки информации под влиянием факторов, которые определяют новые черты медиа-пространства. Если принять во внимание то, что “слухи неизбежно возникают [...] в тех обществах, властные структуры которых крайне заинтересованы в контроле и управлении информацией и информационными потоками” [4, с. 126], то применительно к рассматриваемой ситуации становится очевидным неслучайный характер процесса “выведения” из медиа-сферы газетных источников информации, процесса, который повлек за собой лавину слухов. В силу преобладания слухов автор, как и его окружение, оказываются в роли объектов воздействия манипулятивного типа, что ощущалось как откровенное нарушение стандартов и норм медиа-практики. Записи демонстрируют вербальные способы преодоления нового для автора статуса пассивного получателя “дешевой” информации: осознание недостоверности сведений о жизненно важных событиях ведет к изменению формы реагирования, вербальные реакции лишаются экспрессивности и перерастают в эмоционально сдержанную интерпретацию происходящего.

Вместе с тем материал дневниковых записей 1917–1918 гг. поучителен еще в одном отношении. Он показывает, что языковое сознание носителя языка того периода четко разграничивает сферу функционирования слухов, принадлежащую устной неофициальной коммуникации, и сферу циркуляции газетных текстов, представляющих официальную (“надежную”) информацию, рассматривает их как непересекающиеся множества. Эта черта языковой картины мира претерпела серьезные изменения. Активное присутствие слухов в современной социальной коммуникации (публичной и политической) стало не только реальией медийной практики, но и фактором изменения языковой картины мира. По данным Е. В. Осетровой, “...тесное взаимодействие слухов со СМИ фиксируется на внутривербальном уровне языка, где они выступают в отношении к слуху-пациенту в актантной роли воздействующего субъекта (*СМИ распускают слухи; СМИ опровергают слухи*) и как сирконстант-локатив (*в СМИ, на телеканалах, по радио, в газетах*)” [5, с. 53]. Таким образом, обращение к рассмотренным дневниковым текстам дает материал для реконструкции определенных черт медиа-ситуации 1917–1918 гг. и позволяет увидеть один из векторов эволюции медиа-пространства.

Перспективой дальнейших исследований в этой области может быть изучение тех или иных сторон вербального взаимодействия не только на материале дневников, но и эпистолярных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдина Е. Г. Московский губернатор и городской голова князь В. М. Голицын. Биографический очерк / Е. Г. Болдина // Голицын В. М. Дневник 1917–1918 годов. – М. : Захаров, 2008. – С. 8–15.
2. Голицын В. М. Дневник 1917–1918 годов / Владимир Михайлович Голицын. – М. : Захаров, 2008. – 368 с.
3. Голицын И. В. О дневнике прадеда / И. В. Голицын // Голицын В. М. Дневник 1917–1918 годов. – М. : Захаров, 2008. – С. 6–7.
4. Крейдлин Г. Е. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок / Г. Е. Крейдлин, М. В. Самохин // Логический анализ языка. Космос и хаос : Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2003. – С. 117–157.

5. Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности / Е. В. Осетрова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – № 1. – С. 49–54.
6. Осетрова Е. В. Слухи в современной социокультурной среде : историографический обзор [Электронный ресурс] / В. Е. Осетрова // Антропологический форум. – СПб., 2011. – № 15. – Режим доступа : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/15online/>
7. Почепцов Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г. Г. Почепцов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса : [сб. науч. тр.]. – Калинин : Изд-во КГУ, 1985. – С. 12–18.
8. Почепцов Г. Г. (мл.) Слухи как семиотический феномен / Г. Г. Почепцов // Логика, психология и семиотика : аспекты взаимодействия : [сб. науч. тр.]. – К. : Наукова думка, 1990. – С. 131–140.
9. Почепцов Г. Г. (мл.) Паблик рилейшнз для профессионалов / Георгий Георгиевич Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2003. – 624 с.
10. Толстая С. М. Магия обмана и чуда в народной культуре / С. М. Толстая // Логический анализ языка : Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 109–115.

Дата надходження до редакції 17.10.13